

Когда сосед Матвей Алексеевич подарил Вовиной маме чёрную кошку, мама расплылась в улыбке, осыпала мужчину благодарностями и поспешила пригласить отужинать вместе с ней и сыном, но он деликатно отказался, сославшись на важные дела.

Немолодой, но энергичный сосед был из тех людей, которые за словом в карман не лезут.

— Уважаемая Регина Васильевна, — витиевато начал он, — сейчас вторая половина марта, весна, так сказать, вступает в свои права. Не знаю, как вам, а мне посчастливилось послушать кошачьи песнопения. Вы, уважаемая Регина Васильевна, ассоциируетесь у меня с грациозной и свободолобивой кошкой, поэтому разрешите преподнести...

После этих слов он, запустив руку в яркий пакет, подал женщине кошку. Оказалась кошка настоящей, мама вряд ли согласилась бы её принять, но это была всего лишь статуэтка сантиметров тридцать в высоту из неизвестного Регине Васильевне далеко не лёгкого материала.

Вова смотрел на сувенир с восхищением и, едва за соседом закрылась дверь, протянул к статуэтке руки, надеясь, что мама позволит ему подержать и потрогать подарок. Однако мама сначала постучала по кошке, пытаясь понять, из чего же она всё-таки сделана, потом перевернула её вниз головой, предпологая обнаружить ценник, но, увидев, что его нет, заключила:

— Сувенир, однако, недешёвый, но явно это не кошка, а кот. Держи! — вручила Регина Васильевна предмет сыну.

Мальчик обрадовался и тут же принялся разглядывать и ощупывать кошачьи лапки, поднятый кверху хвост, провёл пальчиком по носу, потеревил за уши.

— Почему это не кошка? — осмелился спросить он маму, догадавшись, что её похвалы соседу были чистым притворством.

Он невольно вспомнил, как днём угостил маленькой шоколадкой одноклассницу Леру и та, уплетая сладость за обе щёки, весело смотрела на него. А может быть, только делала вид, что вкусно? Ох и умеют эти женщины прикидываться! А вот он, Вовка, шестиклассник уже, но простофиля, как характеризует его бабушка, потому что ничего не умеет скрыть, даже слёз, хотя они мальчишкам не к лицу.

— Это определённо кот. Знаешь почему? — обратилась Регина Васильевна к сыну.

Тот в недоумении пожал плечами, тем более что ему уже был безразличен пол животного, поставленного на табуретку в ожидании ужина.

— Потому что кота наверняка подарили самому Матвею Алексеевичу, а он передал мне. Матвей Алексеевич же в марте родился. Если не изменяет память, в прошлом году как раз примерно в это время он собирался отмечать юбилей, и тётя Айта, его дочь, заходила к нам посоветоваться по поводу десерта. Помнишь?

— Что-то такое было, — отозвался Вова, у которого слюнки текли от аппетитного запаха жареного картофеля.

— Вот всегда ты всё забываешь, а ведь уже в шестом классе учишься! — буркнула мама, ловко выкладывая еду на тарелки. — Тётя Айта потом ещё угощала вкусным тортом после торжества.

— Ага, — согласился мальчик в надежде, что так мама быстрее соберёт на стол, а не станет отвлекаться на воспоминания.

— А тебе, выходит, кот понравился?

— Да, — признался Вова.

— Тогда он твой!

— Спасибо! — мальчик обнял маму и поцеловал в щёку. — Мур!

— Мяу! — отозвалась Регина Васильевна.

В её раскосых зелёных глазах действительно было что-то кошачье, не говоря про острые отполированные ногти и мягкую, плавную походку.

Недолго думая, Вова пристроил кошку на подоконнике среди горшков с цветами. Он поставил её боком так, чтобы, по его замыслу, ей хорошо были видны и двор, и комната. После ужина, когда выполнял домашнее задание по русскому языку, Вова время от времени бросал на статуэтку любопытные взгляды, сожалея, что кошка не живая, а то сидела бы у него сейчас на коленях или лежала рядом на диване.

В ту же ночь, едва мальчик задремал, рядом послышалось мурлыканье. Вначале он решил, что ему показалось, но мурлыканье не только не стихло, а стало громче. Вова повернулся — прямо перед ним светились зелёные кошачьи глаза. Он быстро

перевёл взгляд на подоконник: статуэтка исчезла, а точнее, по-видимому, превратилось в чёрное урчащее существо, которое лежало на спинке дивана и спокойно смотрело на испугавшегося мальчика, собравшегося позвать на помощь маму. — Вова, не бойся! — неожиданно сказала существо. — Я Тались!

— Тались? — теперь мальчик был больше удивлён, чем напуган. — Тались? — он сел. — Ты не можешь быть Талисем! — произнёс Вова убеждённо. — Тались, кот нашей соседки тёти Айты, потерялся год назад. Он выпрыгнул в форточку со второго этажа. Сколько мы тогда его искали: и тётя Айта, и я, и мои папа с мамой. И на улице смотрели, и в подъездах — и в нашем, и в домах поблизости, все техэтажи облазили, а он как в воду канул.

— А что такое техэтаж? — поинтересовалось существо, представившееся Талисем.

— Технический этаж. У нас же в Якутске дома стоят на сваях, потому что вечная мерзлота. Коммуникации идут поверху — как их в землю зароешь? Вот поэтому и в доме, как правило, сначала располагается технический этаж, где находятся трубы отопления, горячей и холодной воды и прочее.

— Ты так подробно рассказываешь, — похвалило существо, — словно сам строитель.

— Строитель не я, а мама. Она сотрудник проектного института, а потому хочу я или не хочу, но её разговоры про работу слышу. А ты откуда взялся? — опомнился Вова. — Ты, наверное, колдун, — высказал мальчик догадку. — В таком случае тебя необходимо немедленно выкинуть.

Он встал, решительно открыл форточку, думая, что кот-самозванец сам уберётся восвояси, но тот только сжался в клубок и ещё громче замурлыкал. — Почему ты не веришь мне? Я так надеялся на твою помощь, — горестно вздохнуло существо.

И тут случилось то, чего никак не ожидал Вова: в кошачьих глазах появились слёзы. От вида плачущего кота страх, овладевший мальчиком, исчез, в его душе была только жалость к просящему о поддержке. Вова закрыл форточку, присел рядом с котом и провёл рукой по его шерсти. Кот не был ни тёплым, ни холодным. У Вовы было такое ощущение, будто он гладит свою кроличью шапку. Между тем кот принялся лизать ему руку; именно так поступал и Тались, когда Айта или Вова накладывали ему в чашечку еду или наливали молоко. — Почему я должен верить тебе? Тались был серым, длинношёрстным и с голубыми глазами, а ты чёрный и зеленоглазый. К тому же он, как я тебе говорил, убежал почти год назад. Разве коты после такого срока возвращаются?

— Я не убежал, — оправдывалось существо, — меня превратили в статуэтку, чтобы не пугался под ногами.

— Кто? Тётя Айта? Матвей Алексеевич? Они не могли поступить так.

— Нет, не они, а ухажёр Айты Гера.

— Гера? Да, я видел этого неприятного типа, — согласился мальчик.

— Он очень противный. Мне нужна твоя помощь, Вова! Я не хочу и не могу больше быть статуэткой, я должен быть рядом с Айтой.

Кот опять заплакал, и мальчик попытался успокоить его, поглаживая по мягкой спинке.

— Как и чем я могу тебе помочь?

— Я и сам не знаю.

— Хорошо, тогда расскажи всё по порядку, и будем думать, что можно сделать.

— Ладно, — согласился мурлыка. — Ты, наверное, в курсе, что родители Айты переехали отсюда года полтора назад, а ей отдали квартиру?

— Да, раньше они жили здесь.

— Тогда же дедушка Айты, Алексей Максимович, очень добрый человек, и подарил ей меня и взял с Айты обещание выйти замуж только за того, кто полюбит не только её, но и её кога, то есть меня. Айта назвала меня Талисманом. Она произносила мою кличку как «Талисьман», мягко выговаривая букву «с». А потом твоя мама, когда я оставался на недельку у вас, потому что Айта с родителями уезжала на похороны дедушки, стала звать меня сокращённо — Тались.

— Точно, точно, так и было! — подтвердил радостно мальчик.

Он очень хотел, чтобы сидящее рядом существо и впрямь оказалось Талисем!

— Мы с Айтой прекрасно ладили. Она заботилась обо мне, а я ждал её с работы. Иногда в гости к нам приходил ты, и мы с тобой играли. Помнишь, когда ты ездил в Москву с папой, то привёз мне погремушку: маленький прозрачный шарик, а в нём разноцветные горошинки? Ты бросал мне его, а я носился за ним как угорелый.

— Это мой папа тебе его выбрал.

— Папа твой меня тоже любил. Он у тебя очень хороший, сильный и смелый.

— Он капитан полиции, только, жаль, третий месяц в командировке.

— Жаль, — согласился кот. — По ночам я спал на ногах Айты, избавляя их от усталости. Ведь Айта — социальный работник, целыми днями на ногах, потому что она помогает старым и больным людям.

— Да, это правда, — заворожённо слушал Вова, всё ещё не решаясь поверить, что Тались нашёлся. — Но почему ты в таком виде?

— Это очень тяжело вспоминать, — промяукал кот.

Он помурлыкал, потом благодарно лизнул руку мальчика и продолжил:

— У нас с Айтой была традиция: когда она приходила, я бежал в спальню на кровать и ложился на спину. Айта гладила мне живот, а иногда она даже утыкалась мне лицом в шерсть. От неё всегда так приятно пахло: сначала дождём, потом снегом. Всё шло замечательно, пока не появился

её ухажёр. В чёрной куртке, в чёрной вязаной шапке, натянутой по самые глаза. Когда он впервые пришёл к нам, я наивно посчитал, что раз он друг Айты, то и мой друг, и хотел лизнуть его руку, хотя от неё противно пахло, как после оказалось, куревом, но ведь он был другом Айты, и я решил потерпеть. Но Гера крикнул мне: «Брысь!» Он так заорал, выпучив недобрые наглые глазищи, что Айта растерялась, а я со страха залез на верхний шкаф кухонного гарнитура. Я обычно забирался туда, когда Айта пылесосила палас. Боюсь я звука пылесоса, ничего не могу с собой поделатъ. Так вот Гера в тот вечер пил с Айтой чай и долго сидел у нас, а я не осмелился спуститься вниз, хотя и есть хотел, и приласкался к моей любимой Айте. Когда Гера уходил, то заявил, что меня надо кому-нибудь отдать, потому что у меня нет «кут».

— А что такое «кут»?

— По поверьям народа саха, у человека есть три кут (на русский язык это понятие можно перевести как «душа»). Все три кут объединены жизненной силой сюр. Внешний облик человека определяет Буор кут (земляная душа), которая после смерти возвращается назад в землю. Определяет наследственность и передаётся от предков к потомкам через детей и родственников и остаётся в Срединном мире Ийэ кут (материнская душа). А ещё есть Салгын кут (воздушная душа). Она определяет духовный мир человека, его мысли и обеспечивает его связь с окружающей средой. После смерти она уходит в пространство, в Верхний мир. По представлениям народа саха, у домашнего и конного скота душа есть, а у собаки и кошки нет. Вот поэтому Гера и хотел от меня избавиться.

— Подожди, подожди,— перебил Вова рассказчика,— но разве дедушка Айты не якут? Почему же он тогда подарил тебя тётё Айте?

— Якут. Я, Вова, над этим долго думал и пришёл к выводу, что национальность тут ни при чём. Просто Гера бессердечный человек.

— Согласен,— подтвердил мальчик.— Я как-то зашёл к тётё Айте, мама попросила ей что-то вернуть, кажется, журнал. В это время у неё оказался Гера, он смотрел на меня с такой злостью.

— Он не любит ни детей, ни животных, только деньги любит. Он говорил об этом по телефону своему приятелю, когда Айты не было.

— И что тётя Айта? Она решила расстаться с тобой ради Геры? И отчего ты стал чёрным и неподвижным?— Вове не терпелось узнать от кота всю правду.

— Айта заступилась за меня, конечно, но Гера стал действовать исподтишка. Если моей милой хозяйки не было поблизости, он пинал меня или больно сжимал, дёргал за хвост или за уши. А что я мог поделатъ? Только прятался от него. Больше всего я боялся, что Гера переедет жить к нам.

— Какой подлец! Вроде его посадили за драку.

— Кажется, Я всё слышал, пока почти год лежал на верхней полке встроенного шкафа.

— Странно,— недоумевал Вова,— почему тётя Айта сразу не порвала с Герой? Как она могла не исполнить наказ дедушки?

— Этого я не знаю. Наверное, он умел влезть в душу.

Кот умолк. Вове неудобно было торопить его расспросами, и он осторожно гладил Талися, опасаясь, что тот превратится в статуэтку, не успев поведать ему о своих злоключениях.

— В тот день, когда это случилось,— продолжил наконец Тались,— Гера пришёл раньше условленного времени, и Айта ушла в магазин, оставив меня впервые наедине с ним в квартире. Из его разговоров, которые он вёл по телефону тайком от Айты, я уже знал, что он весь в долгах как в шелках, что у него куча кредитов, и при этом хвастается Айте, что имеет загородный дом, машину, а на самом деле всё это было чужим. Он предложил моей хозяйке продать квартиру и уехать с ним на юг, клялся ей в любви, но ему нужны были только её деньги. Мне кажется, он мог её запросто провести вокруг пальца. В тот вечер, когда я пропал, едва Айта вышла, Гера сразу же стал на повышенных тонах разговаривать с кем-то по сотовому, обещая ему расправиться с ним при удобном случае, а про Айту говорил нехорошие слова. Мне было очень страшно. Как только он отправился в комнату, оставив телефон на полке в прихожей, я сбросил его оттуда, решив сломать, потому что надоело слушать, как он кричит в трубку и оскорбляет мою хозяйку. Потом я бросился на шкаф, надеясь, что хозяйка вот-вот вернётся, но её не было, а Гера чуть не достал меня, но я успел спрыгнуть и залезть под диван. Но всё-таки он выволок меня оттуда и со всей силы ударил головой о стену, крикнув: «Чтоб ты почернел и окаменел, плут паршивый!» Так и произошло. Торопясь, Гера быстро завернул меня в первую попавшуюся тряпицу и сунул на верхнюю полку шкафа. Возвратившейся Айте он сказал, что я выпрыгнул в форточку, а сам, совестный, притворился, что расстроен, сделав вид, что ищет меня на улице, утешал плачущую Айту. На другой день его задержала полиция во время драки, иначе он точно, воспользовавшись случаем, выкинул бы меня на помойку.

Вова взял кота на руки, прижал к себе:

— Я тебе помогу, Тались.

— Это нужно сделать срочно, потому что процесс моего статуэтчного существования скоро станет необратимым. Я только сегодня впервые за столько дней смог превратиться в живого, точнее, почти в живого. Наверное, подействовало твоё доброе отношение ко мне. Я знаю, что это ненадолго, иначе бы я захотел есть или пить, а я не хочу, совсем не хочу... Регина Васильевна, такая молодчина, сразу же разглядела во мне кота. И Матвей Алексеевич не выбросил меня за ненадобностью,

а увидел в статуэтке нечто ценное. Ты в курсе, что Айти куда-то уехала, и Матвей Алексеевич в её отсутствие убирается на кухне, поэтому и обнаружил меня.

Вова продолжал гладить кота, как вдруг почувствовал, что под рукой уже не шерсть, а гладкая поверхность. Он так и уснул, прижимая статуэтку к себе.

При слабом свете мартовского утра мальчик с удивлением смотрел на лежащую около него статуэтку: как она оказалась рядом с ним под одеялом? Он точно помнил, что не брал её с собой с подоконника. Неужели его ночной разговор с Талисем был на самом деле, а не приснился?

Зелёные цифры электронных часов показывали семь пятьдесят, значит, мамы уже нет дома. Торопиться Вове, в принципе, особо было некуда: большую часть домашнего задания он выполнил вчера, тренировки по дзюдо сегодня нет, можно бы и полежать, но он поднялся. Во-первых, потому что папа приучил его не валяться в постели после пробуждения, а во-вторых, потому что не давала покоя встреча с Талисем.

Включив торшер, Вова тщательно осмотрел статуэтку, полагая, что на ней остался хоть какой-нибудь маломальский след от ночного визита, но никаких даже самых крохотных изменений на сувенире он не обнаружил.

Затем он так же внимательно исследовал постельное бельё в поисках чёрных волосков, но тщетно. Когда Вова почти убедился, что всё случившиеся было сном, он увидел на матерчатой обивке дивана, на спинке, где сидел Тались, две небольшие затяжки. Несомненно, их не было раньше, и сделаны они ничем иным, как когтями. Собственно, по причине того, что поселившийся в доме представитель семейства кошачьих начнёт точить свои коготки о мебель, мама Вовы отказывалась завести кота.

Во время утренней гимнастики и завтрака Вова думал о том, как оживить Талися. Перебрав в уме многие варианты, он вспомнил «Спящую красавицу». Наверное, если статуэтку возьмёт в руки Айти, Тались сразу же примет свой привычный облик, но девушка неизвестно когда появится, значит, нужно действовать другим образом. А что, если о статуэтку потрётся живая кошка?

Лучше всех на роль освободительницы из знакомых Вове кошек подходила Маська, питомица одноклассника Игорька Дёмина, тем более он жил поблизости и несколько раз бывал у него в гостях.

На Вовино предложение появиться с котом Дёмин отреагировал положительно, хотя и выразил беспокойство, не подерутся ли их животные, на что Вова твёрдо ответил:
— Нет.

В мгновение ока мальчик, освободив спортивный рюкзак от кимоно и бережно уложив в него Талися, направился к Игорьку. По дороге он отчётливо представлял, как оживёт Тались, едва Маська коснётся его розовым кончиком носика. О том, что превращение статуэтки может напугать одноклассника и что Дёмину придётся объяснять произошедшее, Вова не задумывался. Главное он знал точно: надо спасти Талися!

Вова из стратегических соображений, если превращение произойдёт мгновенно и Талися придётся срочно уносить, не стал раздеваться, а только аккуратно поставил статуэтку на пол в прихожей, желая таким образом привлечь внимание появившейся Маськи. Любопытная и смелая, рыжая Маська проявила интерес к незнакомому предмету. Подойдя к статуэтке, она обнюхала вещь, но потом стала тереться о Вовины ноги, а вскоре и вообще отправилась на своё любимое место — кресло. Нет, оживлять Талися, как спящего принца, питомица Дёмина явно не собиралась.

— Забавная штука, — оценил Игорёк сувенир.

Как и Регина Васильевна, он, ощупав статуэтку на прочность, отметил:

— Дорогая, наверное, и тяжёлая. Из чего она?

— Не знаю.

Игорёк перевернул статуэтку вниз головой, и мальчик чуть не выхватил её у одноклассника, понимая, что испытывает бедный Тались от таких выкрутасов, если бы Игорёк не произнёс:

— Надо же, вся чёрная, а низ серый.

— Серый? — не поверил Вова.

Он взгляделся и, приподняв статуэтку поближе к висящему на стене бра, вздрогнул: низ статуэтки действительно стал светло-серым, именно таким был окрас Талися до того, как с ним расправился плохой Гера. Вова заторопился: возможно, теперь Тались оживёт не сразу, а сначала примет свой прежний вид.

Домой мальчишка мчался на всех парах, боясь простудить находящего в рюкзаке и — он был уверен — уже стряхнувшегося с себя статуэточные оковы кота. Всё-таки март в Якутске — это ещё далеко не весна, а только её предвестник. Во всяком случае, сам Вова всего несколько дней назад сменил меховые ботинки на кожаные зимние и пока носил пуховик.

С замиранием сердца мальчик расстегнул рюкзак, надеясь услышать нежное «мяу», но нет... Вова вынул холодную статуэтку, поглядел в пустые глазницы.

— Ничего, ничего, — подбодрил он Талися, считая, что тот его слышит, — есть какой-то выход, точно есть. Вот был бы с нами папа, он обязательно бы что-нибудь придумал, догадался, он взрослый, а я...

В голосе мальчика промелькнула беспомощность, и ему тут же стало стыдно перед маленьким беззащитным существом.

— Мы одолеем злого Геру!— воскликнул он, убеждая не столько Талися, сколько самого себя.

В отличие от некоторых своих одноклассников, обрадовавшихся предстоящим каникулам и предпочитающих после уроков побарахтаться в снегу или побегать по крышам расположенных рядом со школой гаражей, Вова, освободившись, отправился домой. Он знал, что мама всегда беспокоится, стоит ему хоть немного задержаться, но, кроме того, он верил, что папа появится раньше, чем обещал, и ждал его со дня на день. Сейчас же Вова спешил, тревожась за Талися. А вдруг кот уже бегаёт по квартире, а мама, не узнав в нём Талися, выгонит его прочь? Или мама обнаружит, что статуэтка снизу стала серой, и заподозрит, что она сделана на каком-то липовом заводе из липового же материала, а потому может выделять вредные для здоровья вещества... Тогда она моментально выбросит сувенир. Поливая цветы, мама вполне могла обратить внимание на статуэтку, и поэтому Вова предусмотрительно убрал её с подоконника на письменный стол.

Эх, если бы случилось чудо: он открывает дверь, а его ждут папа с мамой. И на руках у них Тались, мурлыкающий, щурящий голубые глаза!

Мама и в самом деле была не одна: Вова столкнулся с собиравшимся уходить Матвеем Алексеевичем. Сосед протянул мальчику руку:

— Как дела, спортсмен? Скоро будешь сдавать на следующий пояс?

— В мае.

— Удачи тебе!

Вова сразу направился к себе, беспокоясь, вдруг Матвей Алексеевич передумал и решил забрать статуэтку. Нет, она оказалась на месте. Мальчик облегчённо вздохнул. Он погладил статуэтку и вернул её на окно. Пусть полюбуется вечерним городом, пока он, Вова, будет ужинать.

Желая ускорить встречу с Талисем, Вова лёг спать раньше обычного, чем даже напугал маму.

— Ты не заболел?— забеспокоилась она, трогая его лоб.— Температуры вроде нет.

Потом, присев около него, поправила одеяло.

— Спи, сынок!

— Мама, а почему командировка папы называется «в горячую точку»? Там что, жарко, да?

— Да,— быстро ответила мама.

— А один мальчик из нашего класса говорил, что в горячих точках стреляют и иногда убивают. А папу не убьют?

— Нет, милый. Папа скоро будет с нами.

— Вот здорово! А тётя Айта? Матвей Алексеевич не сообщил?

— Тётя Айта, возможно, не вернётся совсем.

— Почему?

В голосе мальчика прозвучала тревога, и мама взяла его за руку:

— Тётя Айта вышла замуж и станет жить в другом городе.

— А квартира?

— Квартиру сдадут или продадут.

— Продадут?— забеспокоился Вова.— А если объявится Тались?

— Котик?— мама улыбнулась, вспомнив кота.— Наверяд ли он найдётся, почти год прошёл.

— Но я слышал, что случалось, когда коты возвращались через долгое время. Если Тались вернётся, мы возьмём его к себе, ведь теперь тёте Айте уже не нужно его согласие. Правда?

— Какое согласие? От кота?— не поняла Регина Васильевна.— Ты, Вовчик, что-то сочиняешь. Спи, давай.

— Я ничего не сочиняю!— обиделся мальчик.— Ты считаешь, что у меня слабая память, а я точно знаю, что Талися тёте Айте подарил дедушка и наказал ей выйти замуж за того, кто полюбит не только её, но и котика.

— Ой, точно,— подтвердила Регина Васильевна.— Ты прав. Но кот же сбежал.

— А вдруг найдётся?— не сдавался он.

Мама вздохнула:

— Что думать о том, чего нет?.. Да, Матвей Алексеевич нам ключи оставил от квартиры, завтра утром за ними зайдут, отдашь. Ладно? Я их на кухне на столе положу. Ну, спи.

Регина Васильевна вышла, а Вова посмотрел на статуэтку. Бедный Тались! Наверное, он слышал их разговор. Мальчик встал, взял кота и, прижав к себе, накрыл одеялом.

Вова ждал, прислушиваясь к звукам в квартире. Ясно, что если статуэтка и оживёт, то только после того, как уснёт мама. А если всё кончено и ему уже никогда не удастся пообщаться с Талисем и, значит, помочь ему? Может, напрасно он не посоветовался с мамой или бабушкой? Нет, они стопроцентно бы решили, что у него поехала крыша и сказали: «Насмотрелся всяких ужасиков и несёшь всякую чепуху!»

Неожиданно около Вовы началось шевеление, и из-под одеяла осторожно появилась кошачья мордочка.

— Тались,— прошептал Вова,— мой любимый кошак.

Кот молча смотрел на него. Вид у него был явно понурый. Мальчик погладил его, но Тались не отозвался привычным мурлыканьем. «Он, возможно, потерял способность говорить»,— предположил Вова, но кот, словно читая его мысли, тихо сказал:

— Спасибо, Вова, что ты пытался мне помочь, но больше не надо.

— Почему?

— Зря это, потому что я никому не нужен. Ты же слышал: Айти вышла замуж, скорее всего — за Геру, так что ничего не поделать.

— Как ничего? Она же не знает, что с тобой произошло.

Кот, отвернувшись, молчал.

— Послушай, Тались, ты нужен мне.

— Зачем?

— Я хочу о тебе заботиться, мне это нравится. С тобой я не чувствую себя одиноким. А тебе со мной разве плохо?

— Хорошо. Ты добрый мальчик, но пусть я лучше останусь статуэткой. Ты же не выбросишь меня и не подаришь никому?

— Конечно, нет.

— Я уже не буду тебя ни слышать, ни видеть, стану просто памятью, памятью о наших встречах. Кстати, если я успею превратиться в полноценного кота, что маловероятно, то не смогу с тобой общаться как сейчас. Понимаешь?

— Понимаю, Тались! Мы будем общаться по-другому, как раньше. Главное, что ты будешь рядом. Завтра я постараюсь найти кошку твоей породы, дымчатую.

— Это нереально, — кот смотрел отрешённо. — Моя участь — стоять неподвижно на твоём столе или подоконнике.

Вова растерялся. Возможно, Тались прав. Ясно, что на огромном пространстве Интернета не найти способа, чтобы вызволить попавшего в беду котика. Мальчик прижал кота к себе, почесал ему за ушками:

— Тались, у нас ещё есть целых два дня. Нужно запастись терпением. Мой папа часто напекает: «Надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым...» Ты же в курсе, что я хожу на секцию дзюдо? Так вот, на неё меня привела бабушка. Она выбрала близко, потому что спортивный клуб находится близко от нашего дома, чтобы мне в пятидесятиградусный мороз далеко не ходить, хотя секция платная, а бокс бесплатно, но далеко. Бабушка сказала, что хватит с нас одного боксёра, имея в виду папу. Так вот, прозанимался я почти год — и тут соревнования, и в первой схватке мой противник сразу же уложил меня на лопатки. Я даже сообразить не успел, что к чему. Ну что делать?.. Встал, пожал руку, как полагается. Противник хоть и одного со мной веса, а выше на полголовы и старше на два года и, конечно, опытнее. Подошёл к родителям, отец обнял: мол, всё нормально, — а мама выпалила: «Эх ты! Целый год тренировался и ничему не научился! Одевайся, уходи, нечего здесь больше делать, и дзюдо больше заниматься не будешь!» А папа прижал меня к себе и успокоил: «Молодец! Достоин себя ведёшь, не ревь». А там некоторые ребята после проигрыша и впрямь плакали. Мама, недовольная, удалилась, а я следующую схватку выиграл. Соперник тоже

сильный оказался, измотал меня вконец. Я уже думал, что нужно было маму послушаться, не светить мне третье место, проиграю, потому что знал, с кем предстоит драться. И что? Вышел на ковёр, а соперника моего нет. И присудили мне победу. Как мы тогда с папой радовались! Он меня тут же на руки подхватил. Принёс я маме медаль, диплом. Она посмотрела, похвалила, рада была.

— А она знала, как ты победил?

— Нет. Папа посоветовал не рассказывать, если не спросит. Она не спросила. Повезло мне тогда, понимаешь? И нам с тобой тоже повезёт. А?

— Если бы...

За ключами пришли, когда Вова, налив себе большую кружку молока (он любил по утрам пить молоко), сел завтракать. Молодой статный мужчина саха в сером пуховике доброжелательно улыбнулся мальчику:

— Ты, по-видимому, Вова?

— Вова.

— А я муж Аиты. Будем знакомы. Семён Георгиевич, — он протянул руку.

Рука была тёплая, надёжная, похожая на руку Вовиною отца.

— А вы где живёте?

— Мы с Аитой будем жить в Удачном.

— Это где алмазы добывают?

— Да. Айти из Москвы отправилась туда, а мне надо было в Якутск по делам, заодно заберу её вещи. Ладно, всего доброго!

Дверь за мужчиной уже закрылась, как Вова распахнул её настежь:

— Семён Георгиевич, вернитесь, пожалуйста. Мне нужно вам кое-что показать.

Мужчина зашёл в квартиру, и мальчик торжественно вынес ему статуэтку:

— Это мой кот.

— Кот?

Семён Георгиевич недоверчиво смотрел на Вову, который протягивал статуэтку так, словно это был настоящий кот. Мужчина взял предмет и, засмеявшись, прижал к себе:

— Какая удивительная вещь! Слушай, Вова, у меня, когда я был примерно таким же, как ты, тоже был точно такой же котик, я имею в виду — живой. Только хвостик беленький. Я вообще большой кошатник.

— И что? Где тот котик? — спросил мальчик.

— К сожалению, у меня оказалась аллергия на кошачью шерсть, и пришлось отдать моей старшей сестре. Он живёт у неё, ему уже шестнадцать лет. Представляешь? А Айти рассказывала, что у неё тоже был котик. Кажется, его звали Тались. Она мне фотографию показывала. Очень переживала, что он пропал.

Семён Георгиевич, погладив статуэтку, отдал её Вове.

— Извини, тороплюсь, через три часа самолёт. До свидания. Удачи!

Мальчик поставил сувенир на кухонный стол и, прильнув к входной двери, наблюдал в глазок, как мужчина отпирает квартиру Айты. Лестничная площадка опустела, а Вова всё не мог оторвать от неё взгляд, как будто здесь должна была появиться тётя Айта или отец. И в самом деле, стукнула дверь подъезда, раздались неторопливые шаги. Мальчик напрягся. Нет, это шла соседка сверху, возвращавшаяся, как обычно, с ночной смены с тяжёлой сумкой. У соседки была большая семья, а она слыла заботливой хозяйкой.

Вова тяжело вздохнул и отправился доедать завтрак. На кухне его ожидал сюрприз: спиной к нему Тались лакал молоко из его, Вовиной, кружки. Мальчик замер, боясь спугнуть кота, но тот, почувствовав присутствие Вовы, повернулся к ребёнку. — Тались! Милый мой Тались! Кушай, кушай, я тебе сейчас колбаски нарежу.

Он осторожно погладил котика, с удивлением обнаружив под чёрной шерстью серый подшёрсток.

— Я никому тебя не отдам! — обещал Вова, глядя в большие счастливые глаза Талися. — Я женюсь только на той, которая полюбит тебя!